

Императоръ Александръ Павловичъ въ Дѣйствующей Арміи въ началѣ Отечественннй войны, и возвращеніе его, черезъ Москву, въ Петербургъ.

Исторія Государевой Свиты т. II ¹⁾.

Въводимъ выдержки ²⁾ изъ интереснаго II тома Исторіи Государевой Свиты, т. к. это изданіе недоступно широкимъ кругамъ читающей публики.

Послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго въ Казанскомъ соборѣ, Императоръ Александръ Павловичъ въ два часа дня 9 апрѣля 1812 г. отбылъ изъ С.-Петербурга въ Вильно, куда повелѣлъ также прибыть: Принцу Георгію Ольденбургскому, герцогу Александру Виртембергскому, государственному канцлеру графу Румянцеву, графу Нессельроде, графу Кочубею, оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому, государственному секретарю адмиралу А. С. Шишкову, барону Беннигсену, графу Аракчееву, Фулю, генераль-адъютантамъ Балашову, князю П. М. Волконскому и графу Комаровскому, генералу Армфельду и другимъ ³⁾.

Черезъ пять дней, въ Вербное Воскресенье, 14 апрѣля, въ шести верстахъ отъ Вильно, Государь былъ встрѣченъ Военнымъ

¹⁾ Столѣтіе Военнаго Министерства 1802—1902. Императорская Главная Квартира. Исторія Государевой Свиты т. II. Царствованіе Императора Александра I. Главный редакторъ генераль-лейтенантъ Д. А. Скалонъ. Составилъ полковникъ В. В. Квадри, помощникъ составителя по сбору историч. матеріаловъ М. К. Соколовскій.

²⁾ Стр. 207—211, 224—225, 211—214, 113—119, 214, 219—220, 214—218.

³⁾ Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб., 1897 г., т. III, стр. 75—76.

Министромъ и въ то же время Главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли, а въ два часа, при звонѣ колоколовъ и пушечныхъ салютахъ, вступилъ въ городъ, привѣтствуемый представителями всѣхъ сословій и толпами собравшагося народа. На другой день, утромъ, Государь принималъ чиновниковъ, которыхъ представлялъ ему губернаторъ Лавинскій, и знатнѣйшихъ дворянъ, представленныхъ губернскимъ маршаломъ; потомъ Государь ѣздилъ верхомъ и пригласилъ къ обѣду высокопоставленныхъ лицъ ¹⁾.

Первое время своего пребывания въ Вильно Государь посвятилъ преимущественно объѣзду и осмотру войскъ Первой арміи, для чего посѣтилъ Шавли, Гродно и Вилькомиръ ²⁾. Всѣ войска нашель

Императоръ Александръ I въ Вильно въ 1812 г.

Лит. съ рисунка Шеле.

Императоръ въ отличномъ порядкѣ, особенно же въ блестящемъ состояніи находились: дивизія генерала Коновницына и артиллерія, о чемъ Государь Самъ писалъ генераль-фельдмаршалу графу Салтыкову. Въ первый день св. Пасхи состоялся большой парадъ всѣмъ, расположеннымъ близъ Вильно войскамъ, а въ серединѣ Святой недѣли въ честь Государя виленскимъ дворянствомъ былъ данъ большой блестящій балъ. По словамъ князя С. Г. Волконскаго ³⁾, „въ тотъ годъ праздникъ Пасхи былъ празднованъ по обычаю русскому и церковной службой и съѣздомъ во дворецъ, и это приводитъ мнѣ на память маленькій анекдотъ. Къ извѣстному часу передъ полночью, въ день Пасхи, всѣ чины царской свиты, многіе чины военные и гражданскіе, имѣющіе право на дворцовый этого дня входъ, и многіе мѣстные поляки и польки, допущенные на эту церковную службу, собрались во дво-

¹⁾ Сѣв. Почта, 1812 г., № 34. 27 апр.

²⁾ Кукольникъ. Истор. замѣтки 102—104.

³⁾ Записки, 153—154.

рецъ. Я и товарищъ мой Лопухинъ ¹⁾ опоздали къ назначенному часу, а какъ мы обязаны были находиться въ той комнатѣ, гдѣ свита государева его ждала, то, боясь встрѣтить государя, для избѣжанія онаго, хотѣли пробраться черезъ церковь домашнюю, удобный для насъ входъ, чтобъ добраться до нашего мѣста. Но едва подошли къ церкви по заднему ходу, какъ у дверей, видимъ, придворный лакей воспрещаетъ намъ взойти въ церковь. На спросъ нашъ—почему, онъ отвѣчалъ: „нельзя, тамъ Государь“.—„Да что же онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчаетъ намъ: „дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія“.—Мы, дай Богъ ноги!..“

Въ Вильнѣ Государь принималъ посланца Наполеона, его ген.-адъют. Нарбонна. Во время аудіенціи Государь „съ благороднымъ краснорѣчіемъ изложилъ умѣренность своего образа дѣйствій, свои неудовольствія, невозможность, въ которой онъ находился, согласовать дѣлаемые ему предложенія съ достоинствомъ своего сана, съ интересами своего государства и съ желаніемъ избѣжать кровопролитія“ ²⁾. Между прочимъ, тайная причина посланки Нарбонна заключалась въ желаніи, чтобы оцъ, какъ военный, „высмотрѣлъ состояніе русскихъ войскъ, главнаго штаба и вообще императора и окружающихъ его лицъ и общее всѣхъ настроеніе“ ³⁾.

Несмотря на обоюдныя враждебныя приготовленія и очевидную серьезность положенія, только весьма немногіе, ближайшіе сотрудники Государя, вполнѣ знали истинную близость предстоящаго разрыва, хотя самъ Государь во время одного обѣда сказалъ: „мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники и, кажется, исполняли свой долгъ, какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія; поэтому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность и что мы не помрачимъ пріобрѣтенную нами военную славу“ ⁴⁾.

Стараясь внести разнообразіе въ скучную жизнь томительнаго ожиданія и въ то же время отвѣтить взаимностью виленскому дворянству, въ началѣ іюня генералъ и флигель-адъютанты испросили согласіе Государя посѣтить балъ, который предполагали они дать въ Закретѣ, загородномъ домѣ генерала Беннигсена,—Версалѣ, какъ выражается Шуазель-Гуфье ⁵⁾.

¹⁾ Очевидно, здѣсь подразумѣвается фл.-ад. П. П. Лопухинъ.

²⁾ Воспомин. Шуазель-Гуфье, стр. 33.

³⁾ Р. Арх. 1892, № 3, стр. 352. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года, Попова.

⁴⁾ Записки ген.-ад. Комаровскаго. Рус. Арх. 1867 г., стр. 765.

⁵⁾ Воспомин., 34 стр. Шуазель-Гуфье напираетъ на то, что балъ устраивали чины Свиты: „весь императорскій штатъ, флигель-адъютанты, генералы

Такъ какъ въ Закретѣ не оказалось достаточно обширной залы, то рѣшено было возвести въ саду спеціальную для этого случая деревянную галерею, и работа эта была поручена мѣстному архитектору. Вслѣдствіе полученнаго Императоромъ доноса о непрочности этой галереи и о томъ, что она должна обрушиться во время бала, начальнику военной полиціи де-Санглену приказано было въ этомъ удостовѣриться. Постройка дѣйствительно обрушилась какъ разъ въ то время, когда пріѣхалъ де-Сангленъ, а возводившій ее архитекторъ исчезъ. Несмотря на это, Государь сказавъ: „мы будемъ танцовать подъ открытымъ небомъ“, приказалъ очистить уцѣлѣвшій полъ и въ заранѣе назначенный день 12 іюня балъ все-таки состоялся ¹⁾. Здѣсь-то, на блестящемъ празднествѣ, застало Государя извѣстіе о переходѣ великой французской арміи черезъ Нѣманъ. Приказавъ сообщившему это извѣстіе, генераль-адъютанту Балашову, хранить его въ секретѣ, Императоръ продолжалъ оказывать любезности приглашеннымъ и до такой степени сохранилъ полное наружное спокойствіе, что никто изъ присутствовавшихъ до конца бала, продолжавшагося еще около часа, не могъ угадать всей важности извѣстія. Почти весь остатокъ ночи Государь посвятилъ работѣ: сначала съ Главнокомандующимъ Барклаемъ-де-Толли—давая ему указанія о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, а затѣмъ съ государственнымъ секретаремъ, адмираломъ А. С. Шишковымъ, желая подготовить народное движеніе въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Черты пребыванія Государя въ западномъ краѣ передаетъ графиня Шуазель-Гуфье въ своихъ воспоминаніяхъ. Однажды Государь, выходя изъ церкви, увидѣлъ, какъ какая-то престарѣлая женщина готовилась влѣзть въ свой скромный, плохой рыдванъ. Государь пригласилъ ее къ себѣ въ экипажъ и дорогою вступилъ съ ней въ разговоръ. Оказалось, что женщина имѣла процессъ, который никакъ не могъ придти къ окончанію. На вопросъ Государя, почему она не подаетъ просьбы виленскому генераль-губернатору, старушка, не зная, что она говоритъ съ Государемъ, отвѣчала: „конечно онъ человекъ честный, да у него секретарь ни одного дѣла не сдѣлаетъ даромъ, а я не въ состояніи дать ему взятку“. Наивный отвѣтъ старушки вызвалъ высокомилостивое предложеніе Государя самому принять участіе въ ея дѣлѣ. Понятно, удивленію

и проч., но никакъ не одна одна г-жа Беннигсенъ, какъ говоритъ г-жа д'Абрантесъ въ своихъ запискахъ, пожелали устроить празднество въ честь Его Величества“. Государь пожаловалъ отъ себя на этотъ расходъ 300 имперіаловъ.

¹⁾ Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб., 1897 г., т. III, стр. 83.

женщины по прїѣздѣ въ Вилькомиръ, когда открылось, кто былъ ея спутникомъ, не было предѣла.

Былъ также и такой случай. Католическій священникъ одной сельской церкви вышелъ на встрѣчу Государя съ крестомъ въ рукѣ. Лишь только Государь его увидѣлъ, какъ тотчасъ же вышелъ изъ экипажа, взялъ изъ его рукъ крестъ, приложился къ нему, а когда священникъ хотѣлъ поцѣловать руку Государя, Онъ отдернулъ свою и поцѣловалъ его руку.

Намѣреваясь испытать послѣднее средство остановить, можно сказать, уже начавшуюся войну, на что, впрочемъ, Государь весьма мало рассчитывалъ, и желая уничтожить значеніе послѣдней ноты, предъявленной французскимъ посломъ, графомъ Лористономъ, въ которой Наполеонъ объявлялъ, что усиленное требованіе русскимъ посломъ въ Парижѣ, княземъ Куракинымъ, паспортовъ, принимаетъ онъ за разрывъ дипломатическихъ сношеній,—13 іюня, поздно вечеромъ, отправилъ Императоръ Александръ Своего генераль-адъютанта Балашова къ Наполеону съ письмомъ.

Про командировку генераль-адъютанта Балашова къ Наполеону въ 1812 г. читаемъ въ собственноручной его запискѣ ¹⁾ „1812 года, іюня 13-го дня, въ пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ, Его Величество, въ 10 часовъ вечера призвавъ меня, сказать мнѣ изволилъ, улыбаясь: „Ты вѣрно ожидаешь, зачѣмъ тебя я призвалъ; я намѣренъ тебя послать къ Императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему Министерству Иностранныхъ Дѣлъ прислана нота французскаго посольства, въ которой изъяснено, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, кн. Куракинъ, неотступно требовалъ, два раза въ одинъ день, паспортовъ, ѣхать изъ Франціи, то сіе принимается за разрывъ и повелѣвается равномѣрно и гр. Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи“. Государь прибавилъ: „Итакъ, я хотя весьма слабую, но вижу причину, въ первый еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны, но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собою, а отъ меня не имѣлъ повелѣнія. Онъ видѣлъ что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ вытребовать себѣ паспортъ, и для того настоятельно требовалъ его прежде ихъ еще выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко мнѣ отъ Наполеона его ген.-ад. гр. Нарбонна, который и министромъ былъ военнымъ прежде, то въ соотвѣтственность того, и рѣшился я послать тебя. Хоть впрочемъ, между нами сказать, я и не ожидаю отъ сей посылки прекращенія

¹⁾ Н. Дубровицъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ, стр. 14—31.

войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужить новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы....“ Государь сказалъ мнѣ, что намѣренъ, сверхъ того, написать Наполеону письмо и чтобы я приготовился къ отъѣзду въ сію же ночь, а Его Величество пришлетъ за мною и, удостоивъ меня прочтеніемъ письма своего, вручилъ мнѣ его и дополнилъ, чтобъ я не упустилъ сказать Наполеону словесно, что если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ условіемъ однимъ, но непреложнымъ, т. е. чтобы арміи его вышли за границу; въ противномъ же случаѣ Государь даетъ ему слово, докуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ“.

Это письмо Александра I должно было показать Европѣ, что зачинающимъ является Наполеонъ. Такимъ образомъ, сдѣлавъ послѣднюю попытку къ миру, Государь, на зарѣ 14 іюня, выѣхалъ изъ Вильно въ Свенцяны, куда сосредоточивались разбросанныя колонны первой Западной арміи и гдѣ, быть можетъ, предполагали принять сраженіе. „Лишь только уѣхалъ Императоръ“, пишетъ Шуазель-Гуфье, „какъ всѣ лошади въ городѣ были забраны для русскихъ чиновниковъ, которые уѣзжали изъ Вильны съ семействами и имуществомъ. Улицы были наполнены экипажами, загромождены разными пожитками. Всю ночь продолжалось это движеніе и на другой день нельзя было услышать звука колеса, какъ въ Венеціи¹⁾. Въ заботахъ о сосредоточеніи войскъ провелъ Императоръ Александръ въ Свенцянахъ шесть дней, отдавая непосредственно необходимыя распоряженія не только начальникамъ отдѣльныхъ колоннъ, но иногда даже и начальникамъ болѣе мелкихъ отрядовъ, всегда, однако, сообщая объ этомъ находившемуся тогда въ Вильно Барклаю-де-Толли, съ которымъ все время поддерживалъ Государь самыя тѣсныя и непрерывныя письменныя сношенія. На пути отступленія не было сдѣлано никакихъ приготовленій для принятія Государя Императора и сопровождавшей Его Свиты. Это видно, напримѣръ, изъ того, что въ Свенцянахъ государственному секретарю, А. С. Шишкову, пришлось помѣститься въ тѣсной и грязной кормчѣ, все убранство которой состояло изъ скверной кровати, трехногаго стула и маленькаго стола, на которомъ, по его словамъ, едва помѣщались листъ бумаги и чернильница²⁾. Вообще нѣкоторыя подробности жизни Государевой Квартыры въ началѣ 1812 г. образно рисуется Шишковъ, коему въ то время Государь

¹⁾ Р. Арх. 1892, № 3, стр. 378.

²⁾ Краткія записки адмирала А. Шишкова. Спб., 1831 г., стр. 11 и 12.

поручалъ составленіе Высочайшихъ манифестовъ и приказовъ. Послѣ перехода Наполеона чрезъ Нѣманъ, пишетъ Шишковъ, „пробываніе наше въ Вильнѣ сдѣлалось не безопасно и Главная Квартира, отѣхавъ верстъ около двадцати пяти, остановилась въ мѣстечкѣ, называемомъ Свенцяны“; здѣсь Государь поручилъ адмиралу Шишкову переводъ бумаги Фуля. „Я по грязной улицѣ и въ проливной дождь бросился скорѣе въ мою корчму, сѣлъ на деревянномъ треножномъ стулѣ за столикъ, на которомъ едва могла помѣститься чернильница съ листомъ бумаги, и при копѣчной сальной свѣчѣ принялся за работу; крайнее поспѣшеніе мое сопряжено было еще съ посторонними предосадными обстоятельствами; къ окну моему поминутно приходили солдаты, стуча въ него, чтобъ ихъ пустили въ корчму, такъ что я всякій разъ принужденъ былъ кричать имъ: „поди прочь, здѣсь стоитъ генералъ“. Этого мало, сверху, на бумагу, падали тараканы, которыхъ я безпрестанно долженъ былъ отщелкивать“.

При началѣ войны не довѣряли получаемымъ свѣдѣніямъ о размѣрахъ собранныхъ непріателемъ силъ, видя въ этихъ свѣдѣніяхъ лишь естественный, давно свойственный Наполеону, обычай умышленнаго преувеличенія своихъ военныхъ средствъ съ цѣлью застраиванья противника. Когда же разсѣялось это заблужденіе и выяснилась вся огромность численнаго превосходства французской арміи на всѣхъ пунктахъ, тогда 20 іюня тронулась 1-я армія изъ Свенцяны къ Дрисскому укрѣпленному лагерю, куда отбылъ вмѣстѣ съ нею и Государь.

Почти тотчасъ по прибытіи Императора въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, по ходатайству генераль-адъютанта князя Волконскаго, представился Государю инженерный полковникъ, впоследствии получившій званіе флигель-адъютанта, Мишо, желавшій всеподданнѣйше доложить Монарху о многихъ, замѣченныхъ имъ, недостаткахъ и даже полной негодности для обороны занятаго арміей лагеря.

Удостоверясь личнымъ осмотромъ позицій и укрѣпленій въ совершенной основательности, сдѣланнаго полковникомъ Мишо, доклада, Государь приказалъ собраться къ Нему: принцу Ольденбургскому, графу Аракчееву, Барклаю-де-Толли, генераль-адъютанту князю Волконскому и флигель-адъютанту Вольцогену ¹⁾. Передъ этими лицами долженъ былъ полковникъ Мишо еще разъ повторить всѣ свои, уже доложенныя имъ Государю, соображенія и замѣчанія. Никто изъ присутствующихъ не

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г., Спб., 1839 г., ч. I, стр. 226.

оспаривалъ основательности замѣчаній, изложенныхъ пслковникомъ Мишо, и рѣшено было оставить Дрисскій лагерь, но такъ какъ французы наступали не очень энергично, то оказывалось возможнымъ простоять здѣсь нѣсколько дней. Расположеніе Императора и сопутствующихъ Ему государственныхъ сановниковъ и лицъ Свиты въ Дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ представляло весьма мало удобствъ и отличалось крайней разбросанностью. Самъ Государь занималъ небольшой домикъ, близъ котораго не было никакихъ жилыхъ построекъ. Большая часть Свиты вынуждена была размѣститься по окрестнымъ мѣстечкамъ, а, на примѣръ, Балашову и Шишкову

былъ отвѣденъ домъ на другой сторонѣ рѣки ¹⁾. Когда же въ Главной Квартирѣ получено было извѣстіе о движеніи Мюрата на Глубокое, армія принуждена была 2 іюля сняться со своей позиціи съ цѣлью предупредить не-

Александръ Францевичъ Мишо.

приятеля въ Витебскѣ или Полоцкѣ. Государь еще нѣсколько дней продолжалъ слѣдовать при арміи.

Возникшее съ пріѣздомъ Государя въ кругу высшихъ сановниковъ сомнѣніе въ томъ, кто является дѣйствитель-

нымъ Главнокомандующимъ войсками первой арміи—Императоръ или Барклай де-Толли, съ теченіемъ времени, не только не было устранено, но, повидимому, постепенно все возрастало, вредно отражаясь на ходѣ военныхъ операцій. Въ концѣ іюня ненормальность этого положенія достигла столь ощутительныхъ размѣровъ, что обезпеченному ею Шишкову пришла мысль сдѣлать попытку склонить Государя оставить армію и возвратиться черезъ Москву въ Петербургъ. Съ этою цѣлью имъ было составлено письмо къ Государю, вручить которое А. С. Шишковъ нѣкоторое время не рѣшался. Въ письмѣ этомъ онъ указывалъ высшія соображенія, требовавшія немедленнаго присутствія Государя не въ арміи, а внутри Имперіи, и тѣмъ маскировалъ главную причину. Обдумывая способъ, какимъ можно

¹⁾ Краткія записки адмирала Шишкова, Спб., 1831 г., стр. 12.

было бы доставить такое письмо Государю, адмиралъ Шишковъ вспомнилъ, что однажды Государь, разговаривая съ генераль-адъютантомъ Балашовымъ, сказалъ ему: „Вы бы трое (подразумѣвая подъ этимъ генераль-адъютанта Балашова, графа Аракчеева и адмирала Шишкова) сходились иногда и что-нибудь между собой разсуждали“. Поэтому адмиралъ Шишковъ рѣшилъ доставить письмо за такой тройной подписью. Балашовъ немедленно согласился присоединиться къ мысли Шишкова и подписать письмо, но графъ Аракчеевъ, на доводы Шишкова и Балашова, что это можетъ быть спасеніемъ отечества, отвѣчалъ вопросомъ: „Что мнѣ до отечества, а скажите мнѣ, не будетъ ли въ опасности Государь, оставаясь долѣе при арміи?“ и только послѣ словъ Балашова: „Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ Государемъ?“—подписалъ письмо и вечеромъ самъ положилъ на письменный столикъ Государя. На слѣдующее утро Императоръ во время доклада коротко сказалъ графу: „Я читалъ ваше посланіе“, а на другой день вечеромъ приказано было приготовить къ ночи коляски для отъѣзда Государя черезъ Смоленскъ и Москву.

Приводимъ содержаніе этого интереснаго письма ¹⁾.

Его Императорскому Величеству угодно было изъявить волю свою, чтобъ мы трое (нижеподписавшіеся) имѣли между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ Государя и государства.

Во исполненіе сего Высочайшаго намъ порученія, входя обстоятельно во всѣ подробности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, мы по долгу присяги и по чувствамъ горячаго усердія и любви къ Государю и отечеству разсуждаемъ слѣдующее:

Государь и Отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другаго не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А посему, сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ Отечеству Царь, столько же Царю нужно Отечество. Утверждаясь на сей важной истинѣ, почитаемъ мы размышленіе о семъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ, аки вѣрные подданные, представить мнѣніе наше на Высочайшее усмотрѣніе.

Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войска наши раздѣлены; непріятель, имѣя во власти своей всѣ Польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Хотя и

¹⁾ Напечатано это письмо впервые въ краткихъ запискахъ адмирала А. Шишкова, веденныхъ имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ въ бывшую съ французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. Изд. 1831 г., 17—25.

полагаемъ мы надежду, что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять; но, желая сего, и даже надѣясь, было бы крайнею неосторожностію несомнѣнно въ томъ увѣриться, и не брать никакихъ мѣръ на случай нещастія, тѣмъ паче, что оное можетъ случиться весьма скоро, и если случится, то уже всякія тогда только начинаемыя мѣры будутъ поздны.

Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйствительныхъ происшествій, но напротивъ должно ихъ представлять себѣ худшими, нежели оныя въ самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ и, открывшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоумѣніе; второе, внушая осторожность, спасаетъ отъ безплоднаго раскаянія. Итакъ, при всей увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое, нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспользоваться. Щастіе у судьбы въ рукахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что непріятель стремится быстро внутрь царства и мнитъ потрясеніемъ онаго какъ бы отдѣлить войска наши отъ связи со внутренностію имперіи. Самое опаснѣйшее для насъ намѣреніе! Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Когда сіе смятеніе нынѣ существуетъ уже, то конечно при малѣйшихъ его успѣхахъ несравненно умножится, не столько отъ его дѣйствій, сколько отъ того, что самая внутренность государства, лишенная присутствія Государя своего, и не видя никакихъ оборонительныхъ въ ней пріуготовленій, сочтетъ себя какъ бы оставленною и впадетъ въ уныніе и разстройство, тогда когда бы, видя съ собою Монарха своего, она имѣла сугубую надежду: первое на войска, второе на внутреннія силы, которыя безъ всякаго сомнѣнія мгновенно составятся окрестъ главы Отечества, Царя.

При обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, необходимость требуетъ скорого и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ: ибо малѣйшее пропущеніе времени можетъ приключить невозвратное зло.

Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе Государя, при войскахъ ли, или внутри Россіи? Итакъ, приступимъ къ разсмотрѣнію сего:

1-е. Государь Императоръ, находясь при войскахъ, не предводительствуетъ ими, но предоставляетъ начальство надъ оными Военному Министру, который хотя и называется Главнокомандующимъ, но въ присутствіи Его Величества не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ съ полною отвѣтственностію.

2-е. Присутствіе Императора при войскахъ хотя и служитъ къ

нѣкоторому ободренію оныхъ; но они защищаютъ вѣру, свободу, честь, Государя, Отечество, семейства и дома свои: довольно для нихъ причинъ къ ободренію; притомъ же имя Его всегда съ ними.

3-е. Примѣры государей, предводительствовавшихъ войсками своими, не могутъ служить образцами для царствующаго нынѣ Государя Императора; ибо не тѣ были побудительныя причины. Петръ Великій, Фридрихъ Второй, и нынѣшній нашъ непріятель Наполеонъ, должны были дѣлать то: первый потому, что заводилъ регулярныя войска; второй потому, что королевство его было, такъ сказать, обращено въ воинскія силы; третій потому, что не рожденіемъ, но случаемъ и щастіемъ возшелъ на престолъ. Всѣ сіи причины не существуютъ для Александра Перваго.

4-е. Храбрость безспорно есть достоинство, приносящее славу. Но часто она же самая служитъ къ помраченію славы того, кто ей излишно повинуется. Храбрость въ простомъ воинѣ всегда похвальна; ибо онъ во всякомъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣлому воинству. Храбрость въ полководцѣ, подвергающемъ себя безъ важныхъ причинъ опасности, предосудительна; ибо онъ для снисканія личной себѣ похвалы забываетъ, что попеченію его ввѣрены войска. Храбрость въ Царѣ тѣмъ предосудительнѣе быть можетъ, чѣмъ цѣлое царство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то государство, сдѣлавшись въ смутное время безъ главы, дорого заплатитъ за привязанность его къ личной славѣ. Представимъ себѣ двухъ Царей, изъ которыхъ одинъ внутри государства своего, окруженный вельможами, распоряжается обороною предѣловъ своихъ. Другой послѣдуетъ всюду за своими войсками. Какую бы первый изъ нихъ ни велъ несчастную войну, сколько бы ни потерялъ провинцій,—оставшіяся земли его всегда составляютъ еще царство, и онъ въ нихъ Царь посреди народа своего. Побѣдитель, вступая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ еще въ немъ Царя. Но ежели войска второго будутъ разбиты, тогда что останется ему дѣлать?—уйти внутрь земли своей; но онъ найдетъ уже ее въ страхѣ, въ смятеніи, безъ довѣренности къ нему. Оставаться при разбитыхъ войскахъ и требовать помощи у народа; но съ какимъ духомъ и скоро ли уstraшенный, унылый народъ, не видя его посреди себя, будетъ собирать сію помощь, и кто приведетъ ее въ должное устройство? Между тѣмъ торжествующій побѣдитель, продолжая отдѣлять войска отъ царства и нападая на остатки оныхъ, можетъ самого Царя захватить въ плѣнъ: тогда безславіемъ своимъ умножитъ онъ гордость побѣдителя, и сирое царство его должно будетъ упасть предъ врагомъ своимъ и ожидать отъ воли его горькой своей участи.

расторженіе главной
 оныхъ блнже къ столицѣ
 роду о вооруженіи нов
 ства подъ названіемъ
 оппортибн слбс, / по
 зенъ бюджетъ съ радости,
 существіемъ ЕЗО кара
 духомъ мужества. Т
 бы они и не могли тр
 опасности, и неприя
 кіе, хотя бы и одерж
 строеній всегда ст
 Еукстатенная кауед
 ну, была бы соверше

лы отбвтіе от
 сраженія потому под
 неперенитъ, и науб
 перевтъ въ гблахъ,
 ко настнзкѣтъ, и з
 хности, тогда по не
 нбитъ по доброй волѣ
 ртънтіеся мошно. Н
 жное потезеніе о госу
 ствн воисіи, ввтрѣнкб
 ЕЗО показетса при
 всенъ россіи, прнбвтіе
 къ кароду менше гтн
 кію новихъ слъ несп
 етнъ время, шагн его
 дапъ успѣтнъ онъ ун
 протнвъ него тѣри.

Всемилостнвѣ
 ваню на вѣрности и
 обратн, надежда ро
 мннмъ ПРЛЯ

омандующаго и самому отбѣтѣ отъ
царя для воззванія къ дворянству и на-
рѣдѣ войснѣ, и поборба да внутри государ-
ствъ преуспѣшнѣе составили вторбѣ
нѣтъ нѣкакова сомнѣнія, что ОНЪ встрѣ-
нбимъ воспоргомъ, и одушевленнѣи при-
дѣ возбудителю все съ нѣслѣханнѣи
погда положеніе зрѣннѣи войснѣ, хотя
содолѣтъ врага, не погубителю царство
пелѣ, встрѣчая отъ нѣхъ сопротивле-
нвалѣ устѣхн, но испощеннѣи и раз-
рашился да новѣхъ силѣ въ передѣ.
а его, привестѣ споро къ опонганію вой-
нѣ отнѣтѣ.

елѣт государя императора предѣ
нѣтаемъ нужнѣи, что во первѣхъ времена
нѣ денѣ меленія зрѣтѣ дѣлаетѣ великѣи
во вторбѣхъ, естѣли неприятели нечаян-
но доѣе сохрани, одержитѣ знатнѣую повер-
елѣт должно будѣтѣ сѣтлатѣ то, на что
нѣ обидѣнѣ вѣтѣ радости, и стѣсенію
нѣтѣ отзѣветѣ отъ елѣт государя дол-
аретѣтѣ, превосходящее поперѣнїе о та-
хъ военнагалбннѣи. Но тогда отъзѣвѣ
нѣуденнѣи, страхѣ разѣтѣтѣ уже по
елѣт будѣтѣ менше вождѣтнѣи, воззванїю
стѣнѣтѣлѣно, и способѣ нѣ приуготовле-
авнѣнѣи пруднѣ неприятели вѣхѣра.
будутѣ смѣлѣтѣ, дерзковѣннѣтѣ, и можетѣ
нѣтѣожитѣ вѣтѣ погда предѣпрїемлѣннѣа

нѣннѣи государѣ! сїе мнѣнїе наше осно-
любѣи нѣ священнонѣ твоѣнѣ особѣ.
ссїи! обратнѣ вниманїе свое на него.

Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: 1-е, что нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобы глава его присоединилась къ одной только части войскъ, оставляя всѣ прочія силы и части государственнаго управленія другимъ. Особливо же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ необходимо нужно ему избирать пункты пребыванія своего такимъ образомъ, чтобы какъ всѣмъ частямъ военнымъ, такъ и всѣмъ государственнымъ внутреннимъ мѣстамъ и обществамъ могъ онъ подавать нужныя пособія, и повелѣніями и личнымъ присутствіемъ своимъ оживлять тѣ, которыя въ вящую дѣятельность приводить должно; 2-е, что и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается: исторія не похваляетъ никогда поступки и царствованіе Карла XII, короля шведскаго; Феофанъ о Петрѣ первомъ, вдавшемся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: вострепетала Россія Единого смертію вся умрети боящися. Ежели прямой долгъ Царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство.

Соображая все сіе и находя притомъ, что нынѣшнее наше положеніе требуетъ непременно всевозможнаго вниманія и скорей рѣшимости, поспѣшаемъ мы поднести Его Императорскому Величеству мнѣніе наше, какое долгъ вѣрноподданнаго и прямая любовь къ Нему и къ Отечеству въ насъ влагаетъ.

Если Государю Императору угодно будетъ нынѣ же, не ожидая рѣшительной битвы, препоручить войски въ полное распоряженіе Главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ, которыя бы внутри государства подъ назначеннымъ предводителемъ составили вторыя отпорныя силы, то нѣтъ никакова сомнѣнія, что Онъ встрѣченъ будетъ съ радостнымъ восторгомъ, и одушевленный присутствіемъ Его народъ воздвигнется весь съ неслыханнымъ духомъ мужества. Тогда положеніе здѣшнихъ войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ Царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но истощенный и разстроенный всегда страшился бы новыхъ силъ въпереди. Единственная надежда его, привести скоро къ окончанію войну, была бы совершенно отнята.

Мы отбытіе отсель Государя Императора прежде сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что во-первыхъ время не терпитъ, и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ; во-вторыхъ, если непріятель нечаянно настигнетъ и, чего Боже сохрани, одержитъ знатную поверхность, тогда по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что нынѣ по доброй волѣ и къ общей всѣхъ

радости и спасенію рѣшиться можно. Нынѣ отзоветъ отсель Государя должное попеченіе о государствѣ, превосходящее попеченіе о части войскъ, ввѣренныхъ военному начальнику. Но тогда отъѣздъ Его покажется принужденнымъ, страхъ разсѣется уже по всей Россіи, прибытіе Его будетъ менше вождельно, воззваніе къ народу менше дѣйствительно, и способы къ приуготовленію новыхъ силъ несравненно труднѣе. Непрiятель выиграетъ время, шаги его будутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть успѣетъ онъ уничтожить всѣ поздно предприемлемыя противъ него мѣры.

Всемилоствѣйшій Государь! сіе мнѣніе наше основано на вѣрности и любви къ священной Твоей особѣ. Обрати, надежда Россіи! обрати вниманіе Свое на него, молимъ Тебя со слезами. Мы увѣрены, что сей нашъ гласъ и моленіе передъ Твоимъ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ Твоихъ подданныхъ, и готовы въ томъ подписаться кровью.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные графъ А. Аракчеевъ, Александръ Балашовъ, Александръ Шишковъ.

На Двинѣ близъ Дрисы, іюня 30 дня 1812 г.

А. Аракчеевъ.

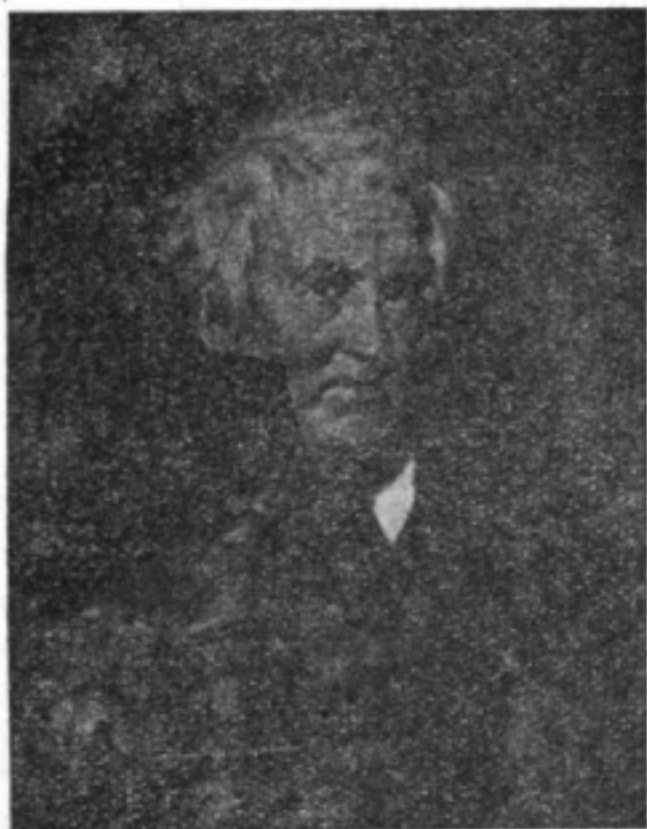
Собираясь покинуть Дрисскій укрѣпленный лагерь, Государь командировалъ флигель-адъютанта Чернышева и полковниковъ Мишо и Эйхена для выбора удобныхъ для обороны мѣстъ подъ Москвою, а, если

потребуется, то и еще болѣе въ глубь страны—на Волгѣ, а флигель-адъютанту графу Потоцкому было повелѣно истребить переправу противъ Дисны¹⁾.

Достигнувъ Полоцка, Государь, вслѣдствіе ранѣ сего приведеннаго письма А. С. Шишкова, покинулъ въ ночь съ 6 на 7 іюля армію и поѣхалъ черезъ Смоленскъ въ Москву для поднятія народнаго движенія въ центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Александръ Балашовъ.

Александръ Шишковъ.

Оставленіе Государемъ арміи не могло вызвать, конечно, вполне отраднато чувства въ дѣйствующей арміи, и Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, между прочимъ, говоритъ (стр. 133, по изд. 1865 г.): „отъѣздъ Государя произвелъ на войска непріятное впечатлѣніе; появляясь каждый день веселымъ и сохранявшимъ спокойную наружность, не только не было мысли объ опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми и каждый оживлялся его присутствіемъ; но оно не менѣ

¹⁾ Этому порученію А. П. Ермоловъ посвящаетъ нѣсколько строкъ. „Онъ, пишетъ Ермоловъ про Потоцкаго, пылая усердіемъ исполнить пору-

нужно было и въ Россіи: надобно было унылый духъ возбудить къ бодрости, или постепенно приуготовить къ перенесенію большихъ бѣдствій; Москва, въ сердцѣ коей двѣсти лѣтъ тишины и благоденствія, цѣлый вѣкъ величія и славы, закрыли прежнихъ несчастій глубокія раны, ожидала утѣшенія. Москва! когда срѣтала ты Царя своего безъ восхищенія? Гдѣ болѣе являема была ему сыновъ его приверженность? Отъѣздъ былъ необходимъ! Сѣтующему войску обѣщано скорое его возвращеніе, и все возвратилось къ прежнему порядку, или, по крайней мѣрѣ, не увеличился беспорядокъ“. Съ Высочайшимъ отъѣздомъ, квартира потеряла весь блескъ своего персонала. И опять таки, Ермоловъ отмѣчаетъ это обстоятельство: „по отъѣздѣ Государя, случилось мнѣ обѣдать вмѣстѣ съ оставшеюся его Свитою, и я замѣтилъ разность въ тонѣ, какую-то перемѣну въ обращеніи! Государь увезъ съ собою все величіе и оставилъ cadaго при собственныхъ средствахъ. Люди, осужденные быть придворными, умѣйте снискать уваженіе собственными достоинствами, или, заимствуя блескъ другого, умѣйте отражать его. Не мое дѣло толковать мысль сказаннаго однимъ изъ древнихъ писателей: *exeat aula qui vult esse pius*; неужели думать надобно, что мало было сходства между придворными людьми всѣхъ временъ? съ нами вмѣстѣ обѣдалъ и генералъ Фуль, готическую свою важность, вывѣску общаго ко всѣмъ неуваженія, перемѣнившій на придворную вѣжливость; онъ кланялся прежде не ожидая приносимыхъ ему въ дань поклоновъ; исчезло рабственное къ нему почтеніе; были уже примѣтившіе въ немъ признаки сумасшествія, а Вилліе увѣрялъ, что испытанныя средства не возстановили ума въ полной мѣрѣ; воля Государя присвоила и не бывалый“¹⁾. Съ своей стороны, Кочубей писалъ Аракчееву 11 іюля 1812 г.:²⁾ „сближеніе его (т. е. Государя) къ центру государства утѣшитъ столько всѣхъ, сколько, напротивъ, разныя неудобства, съ первымъ его пребываніемъ (при войскахъ) сопряженныя, могли

ченіе, сообщилъ пламень и провіантскому магазину, довольно значительному, тогда какъ французы были не ближе 70 верстъ разстоянія, и съ такою возвратился поспѣшностію, что не замѣтилъ, какъ жители растащили запасы, которые довольствовались послѣ и авангардъ 6-го корпуса и самый корпусъ“ (Записки, 131). Въ указѣ же, данномъ 30 іюня Потоцкому, излагается требованіе изслѣдовать: „почему провіантъ, въ ономъ городѣ находящійся, сожженъ былъ прежде времени, тогда когда по приказанію, вами данному, истребленіе онаго только должно было воспослѣдовать по приближеніи непріятели къ г. Диснѣ“. (Сборн. ист. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, стр. 88).

¹⁾ Ермоловъ, Записки, стр. 135.

²⁾ Дубровинъ. Отечественная война въ письмахъ современниковъ, 48.

быть прискорбны всѣмъ тѣмъ, кои и Ему, и отечеству своему, всѣхъ благъ желаютъ“.

А. П. Ермоловъ, въ своихъ запискахъ, говоритъ объ оставленіи Свиты при арміи въ такихъ выраженіяхъ ¹⁾: „изъ Полоцка Государь Императоръ отправился въ Москву, сопровождаемый графомъ Аракчеевымъ, министромъ полиціи господиномъ Балашевымъ и государственнымъ секретаремъ Шишковымъ; при немъ были генералъ-адъютантъ князь Трубецкой и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочіе, особѣ Государя принадлежащіе чиновники, остались при арміи. Остался и генералъ Фуль съ горькимъ въ сердцѣ чувствомъ, что онъ не столько уже необходимъ Государю, съ отчаяніемъ въ душѣ, что лагерь при Дриссѣ найденъ бесполезнымъ и усмотрѣны его недостатки. Ни рабъ-почитатель его, флигель-адъютантъ полковникъ пруссакъ Вольцогенъ, ни генералъ-адъютантъ графъ Ожаровскій, имъ въ ремеслѣ военномъ просвѣщаемый, не проповѣдывали его славы. Умолкли мудрыя его предположенія продолжать отступленіе даже за Волгу; уже не внемлютъ благодѣтельнымъ попеченіямъ его о Россіи. Судьба казнить неблагодарность вашу, Россіяне: вы не узрите береговъ Волги“.

Передъ отъѣздомъ въ Смоленскъ, графъ Аракчеевъ писалъ Главнокомандующему въ С.-Петербургѣ С. К. Вязмитинову ²⁾, чтобы „фельдъегерямъ и курьерамъ изъ С.-Петербурга въ армію ѣздить по бѣлорусской дорогѣ на Порховъ и Великіе Луки, а изъ онаго мѣста въ Невель, гдѣ уже должны они будутъ узнавать, какою дорогою могутъ ѣхать въ армію до Главной квартиры, отъ тамошняго городничаго“; въ этомъ же письмѣ Аракчеевъ сообщалъ, что „Государь Императоръ усматриваетъ здѣсь прѣвѣжающихъ изъ С.-Петербурга многихъ другихъ курьеровъ отъ разныхъ лицъ, кромѣ фельдъегерей, то Онъ находитъ, что сіе можно бы нѣкоторымъ образомъ ограничить, чѣмъ бы самымъ менѣе было способовъ развозить пустые толки, да и самой бы почтѣ менѣе было отяготительно“.

Слѣдуетъ здѣсь еще упомянуть, что Императоръ Александръ, покидая армію и сядясь въ карету, сказалъ провожавшему Его Барклаю: „поручаю вамъ Мою армію; не забывайте, что у меня нѣтъ другой, и пусть эта мысль васъ не оставляетъ“ ³⁾. Предъ этимъ Главнокомандующій имѣлъ аудіенцію у Государя въ теченіе цѣлаго часа. Въ письмѣ же кн. Багратіона къ гр. Ростопчину отъ 14 августа, между прочимъ, имѣются слѣдующія строчки ⁴⁾: „Барклай

¹⁾ Записки Алексѣя Петровича Ермолова. 1865 г. I, с. 132—133.

²⁾ Сборн. истор. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, стр. 90; 4 іюля, № 18.

³⁾ M. Weil. Mémoires du général-major russe, baron de Löwenstern.

⁴⁾ Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ.

говорить, что Государь ему запретилъ давать рѣшительныя сраженія“. Слѣдовательно, Государь, оставляя армію, преподаль Барклаю общій планъ дѣйствій. Въ Смоленскѣ Государь прибылъ въ 11 ч. утра 9 іюля и, встрѣченный восторженнымъ привѣтствіемъ народа, остановился въ такъ называемомъ Инспекторскомъ домѣ. Немедленно по прибытіи, Государь принималъ смоленское дворянство, первое выступившее съ предложеніемъ тѣхъ огромныхъ пожертвованій, которыя вскорѣ принесъ русскій народъ для защиты своего отечества. Выразивъ дворянству свою благодарность, Государь отправился въ Успенскій соборъ, а затѣмъ на площади произвелъ смотръ запаснымъ войскамъ, закончившійся прохожденіемъ церемониальнымъ маршемъ. Сформированнымъ изъ этихъ войскъ отрядомъ Государь повелѣлъ командовать генераль-адъютанту барону Винценгероде ¹⁾, возложивъ на него двойную цѣль: обеспечивать сообщенія обѣихъ западныхъ армій и въ то же время прикрывать Смоленскъ.

Покинувъ армію, Государь не прекратилъ общаго руководства военными дѣйствіями. Ермоловъ 27 іюня въ разговорѣ съ Императоромъ выразился: „Государь, нужно единоначаліе ²⁾“. Генераль-адъютантъ Шуваловъ 31 іюля писалъ: „если Ваше Императорское Величество не дадите общаго Главнокомандующаго надъ обѣими арміями, ручаюсь моею честью и совѣстью, дѣло можетъ быть безвозвратно потеряно“ ³⁾. 8 іюля Государь, поздравляя Барклая съ блестящими побѣдами графа Витгенштейна и генерала Торماسова и съ соединеніемъ армій, писалъ между прочимъ: „Я надѣюсь, что вы, съ помощью Всевышняго, будете имѣть возможность начать наступательныя дѣйствія“ ⁴⁾.

Вечеромъ послѣ прогулки, во время которой Императоръ восхищался красотой города и его окрестностей, занимаясь дѣлами, Государь получилъ увѣдомленіе о заключеніи мира съ Турціей и, найдя въ залѣ только городского голову, приказалъ ему немедленно обнародовать это радостное въ такую минуту событіе ⁵⁾.

9 іюля графъ Аракчеевъ писалъ графу Ростопчину о полученіи извѣстія о мирѣ съ Турціей и о Высочайшемъ отъѣздѣ въ Москву: „сего числа Государь Императоръ изволилъ получить ратификацію

¹⁾ Богдановичъ. Исторія Отечественной войны въ 1812 г. Спб. 1859 г., т. I, стр. 180.

²⁾ В.-уч. арх., д. 5827.

³⁾ Дубровинъ. Отечеств. война въ письмахъ современниковъ.

⁴⁾ Харкевичъ. Барклай-де-Толли въ Отечеств. войну. Прилож., стр. 13.

⁵⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г. Спб., 1839 г., ч. I, стр. 263—264.

турецкаго султана, слѣдовательно, теперь уже миръ съ турками совершенно оконченъ; завтра по утру Государь Императоръ изволить выѣзжать отсюда въ Москву и просить Ваше Сіятельство, дабы вы 11 числа сего мѣсяца, т. е. въ четвергъ пополудни, выѣхали сами одинъ на встрѣчу Государю на послѣднюю станцію; молебствіе о мирѣ Государь сдѣлаетъ при Себѣ, по пріѣздѣ въ Москву“¹⁾.

Не менѣе восторженно, чѣмъ въ Смоленскѣ, встрѣчали Императора и на всемъ дальнѣйшемъ пути — въ Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гжатскѣ и Можайскѣ, а когда въ Москвѣ разнеслась вѣсть объ ожидаемомъ скоромъ прибытіи Монарха, огромныя толпы жителей, соперничая между собой въ желаніи отпречь лошадей и на себѣ везти коляску Государя, далеко вышли впередъ для встрѣчи Его Величества. Между тѣмъ Императоръ, избѣгая этого, объявилъ, что остановится ночевать на послѣдней передъ Москвою станціи Перхушково, гдѣ ожидалъ уже Государя московскій главнокомандующій графъ Ростопчинъ, и рѣшилъ выѣхать поздно вечеромъ и прибыть въ Москву ночью. Намѣренія и надежды жителей столицы поэтому не осуществились и только жители села Покровскаго или Филей, увѣдомленные о выѣздѣ Государя изъ Перхушкова нарочно отправленными ими съ этою цѣлью конными гонцами, во главѣ съ приходскимъ духовенствомъ, несшимъ Распятіе, восторженно встрѣтили Императора на Поклонной горѣ хлѣбомъ и солью. Приблизившись къ духовенству, Государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и приложился къ Распятію. Въ полночь съ 11 на 12 іюля прибылъ Императоръ въ Кремлевскій Дворецъ. Въ Святѣ Государя въ это время находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Ростопчинъ, графъ Аракчеевъ, А. С. Шишковъ, генераль-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій и графъ Комаровскій, баронъ Штейнъ, флигель-адъютантъ Чернышевъ и генераль-адъютантъ князь Трубецкой, прибывшій въ Москву ранѣе съ воззваніемъ, отправленнымъ изъ Ляхова²⁾.

На слѣдующее утро огромныя толпы народа собрались на Кремлевскую площадь въ ожиданіи выхода Государя и восторженно встрѣтили Его криками и колокольнымъ звономъ, когда около десяти часовъ вышелъ Императоръ Александръ на Красное Крыльцо, направляясь въ Успенскій соборъ, у входа въ который со знаменемъ побѣды въ рукѣ привѣтствовалъ Государя московскій викарій Августинъ короткою рѣчью. Насколько было велико стеченіе народа — можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ очевидца событія: „нахо-

¹⁾ Сборн. истор. мат., извл. изъ Соб. Е. И. В. Канц., I, 92.

²⁾ Шильдеръ. Императоръ Александръ I. Спб. 1887 г., т. III, стр. 80.

дившіеся при Государѣ, генераль-адъютанты принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобы довести Императора отъ Краснаго Крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Между тѣмъ громогласное „ура“ заглушало почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время“¹⁾.

Въ Успенскомъ соборѣ, послѣ Божественной литургіи, Государь присутствовалъ на торжественномъ благодарственномъ молебствіи съ колѣнопреклоненіемъ, сопровождавшемся радостными пушечными салютами, по причинѣ удачнаго окончанія войны и заключенія фельдмаршаломъ Кутузовымъ мира съ Турціей. Миръ этотъ, вслѣдствіе огромнаго превосходства силъ Наполеона, пріобрѣталъ теперь чрезвычайно важное значеніе.

15 іюля, послѣ молебна, совершеннаго въ придворной церкви Слободскаго дворца, Императоръ Александръ вышелъ къ ожидавшимъ, собравшимся, каждое отдѣльно, въ особыхъ залахъ дворца—дворянству и купечеству. Они были собраны по предварительно разосланнымъ пригласительнымъ повѣсткамъ для выслушанія Высочайшаго манифеста, призывающаго всѣхъ русскихъ людей на борьбу съ врагомъ. Узнавъ о немедленной безграничной готовности, съ которой тѣ и другіе сдѣлали постановленія для защиты ввергнутаго въ опасность отечества, Государь благодарилъ оба сословія и сказалъ дворянству: „Иного Я не ожидалъ и не могъ отъ васъ ожидать,—вы оправдали Мое о васъ мнѣніе“²⁾.

Все время, проведенное Государемъ въ Москвѣ, было посвящено неустаннымъ занятіямъ.

Послѣ семидневнаго пребыванія, въ ночь съ 18 на 19 іюля, Государь покинулъ Москву, полтора дня пробылъ въ Твери, посѣтивъ Великую Княгиню Екатерину Павловну, и возвратился въ Петербургъ къ 22 іюля,—дню Тезоименитства Вдовствовавшей Императрицы Маріи Ѳеодоровны³⁾.

¹⁾ Записки графа Комаровскаго. Рус. Арх., 1867 г., стр. 775.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны въ 1812 г. Спб. 1839 г., т. I, стр. 268

³⁾ Богдановичъ. Исторія Отечественной войны 1812 г. Спб., 1859 г., т. I, стр. 189.